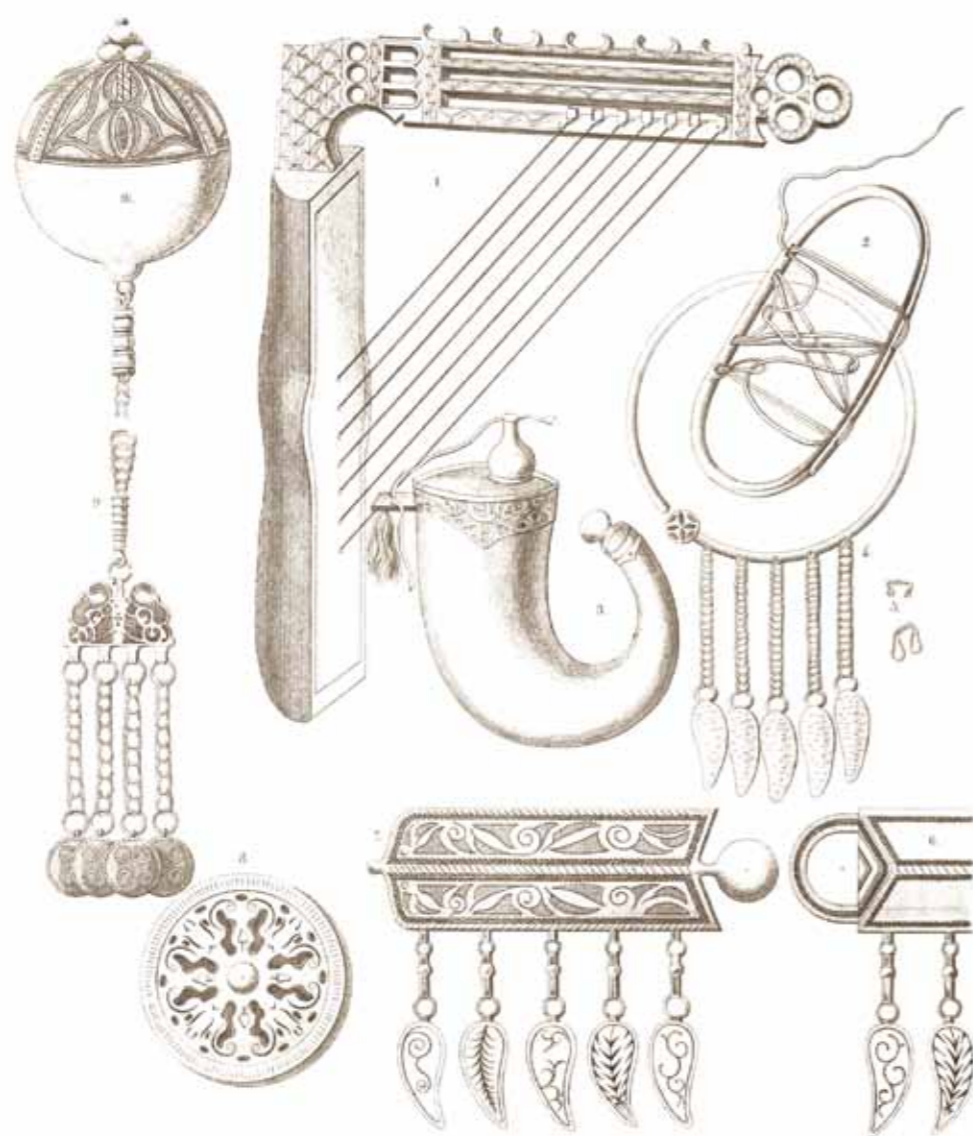
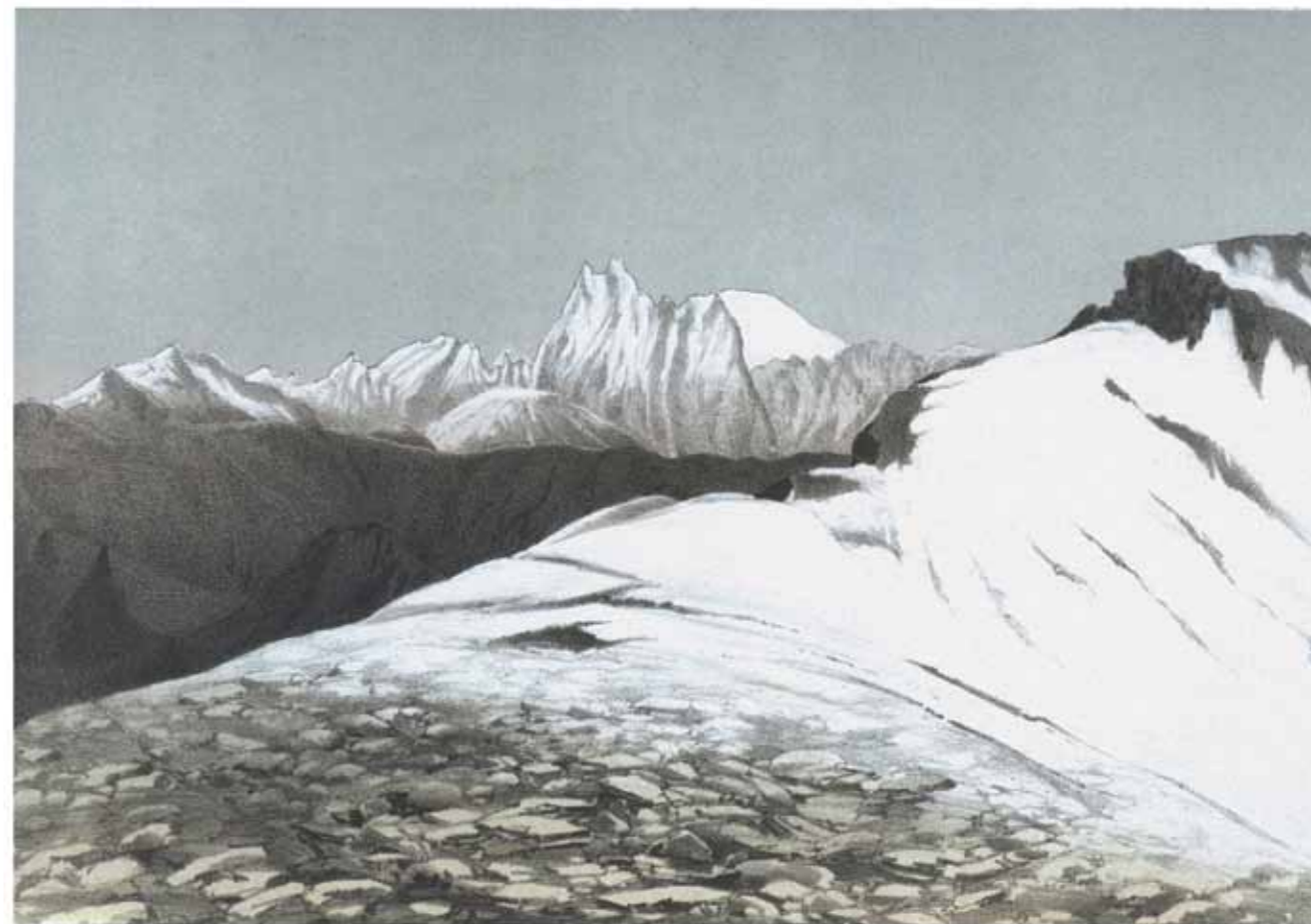

Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества

1. Самострунная арфа (ДИАНТИ) 2. Сиванетские лампы (ТЯКЪМАРЕ) 3. Пороховница 4. Серва (ДЕШТАРЬ)
5. Отдельные галтели цыганки или серва 6 и 7. Серебряные пряжки для застегивания платья на груди
8. Украшение к шали в виде бляшки 9. Кольцо цыганки, прикрепляемой к ожерелью или бусь 10. Пружина
или к другому концу ожерелья.

Вид на Эльбрусъ съ Дадіаша

черезъ Горвашъ и Бесочъ-Мта.

Видъ на ЭЛЬБРУСЪ съ ДАДІАША черезъ ГОРВАШЪ и БЕСОЧЪ-МТА.

Вряд ли можно найти читателя, который не сталкивался бы с проблемой поиска необходимого ему издания, причем речь идет не о каком-либо старопечатном сокровище, а о книге, выпущенной в свет, когда типографии имелись даже в уездных центрах. Любители книги знают, что иногда предмет их мечтаний невозможно купить ни за какие деньги. У серийных изданий своя болезнь – лакуны большего или меньшего масштаба.

Сегодня можно разыскать «Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества» (всего в 1852–1916 гг. вышло 60) в репринтном исполнении. Как это не покажется странным, предлагаемое репринтное издание – более полное и правильное, чем комплекс использованных для его подготовки оригиналов, поскольку в него включены все элементы, отсутствующие во многих собраниях (карты, таблицы, различные приложения). При подготовке к печати страницы очищались от всего, что на них оставило время и неаккуратные читатели.

Фактически это многотомная энциклопедия по Кавказу, поскольку трудно отыскать область из мира географии края, который не стал бы предметом статей, помещенных в это издание.

В год, когда появился первый номер «Записок», в Санкт-Петербурге уже подыскивали человека, который смог бы заменить на посту наместника на Кавказе Михаила Семеновича Воронцова, правившего этой имперской окраиной уже семь лет и не сумевшего решить поставленные перед ним задачи. Более длительный срок (десять лет) этот пост занимал только знаменитый Ермолов, получивший неофициальный титул «покорителя Кавказа», хотя от его отставки в 1826 году прошло еще тридцать три года до пленения имама Шамиля и, соответственно, до т. н. «покорения» Чечни и Дагестана. Воронцов был двенадцатым в ряду тех, кого императоры назначали в первой половине XIX века обустроить Кавказ, что подразумевало прежде всего «обуздание горцев», никак не соглашавшихся покориться. Без малого полтора века (с Персидского похода Петра Великого в 1722 г.) армия, переходившая в 1799 году Альпы и в 1809 году замерзший Ботнический залив, побеждавшая турок, пруссов, шведов, пруссаков и даже самого Наполеона Бонапарта, не могла одолеть жителей горного края размером с заурядную российскую губернию. Надо было наконец понять: почему тасование военачальников, отправка все новых и новых войск, колоссальные денежные затраты

Горы ДАВЛА, - вид из ШИР.

не приносят долгожданного успеха? Занимали правительство и другие вопросы. Со времен Петра Великого и до середины XIX века в Петербурге надеялся завоеванием пространства между Черным и Каспийским морем решить сразу несколько проблем. Во-первых, там пролегал путь к желанным «теплым морям»; во-вторых, царю и его окружению грезилась несметные богатства этого края, способные доверху наполнить казну, оскудевшую в ходе войны со шведами. В-третьих, предполагалось соединением Невы и Волги каналами переориентировать восточную торговлю. Товары из Европы в Персию и Индию пошли бы через Россию, обогащая державу, развивая ремесла и коммерцию. В-четвертых, строительство канала между Черным и Каспийским морями создавало новую транспортную артерию. В-пятых, Кавказ должен был стать новой кладовой минерального сырья (цветные металлы, соль) и поставщиком «колониальных товаров» (цитрусовые, табак, чай, хлопок, шелк, красители и пр.). Предполагалось также, что активное наступление в Закавказье заставит Стамбул перебросить туда значительные силы с важнейшего Балканского фронта. Рассматривались и возможности сельскохозяйственной колонизации некоторых регионов, население которых, по мнению столичных чиновников нерационально распоряжалось природными богатствами.

Но ни одно из этих мечтаний-предположений не сбылось. Переселенцы боялись Кавказа больше Сибири. Успешные операции русской армии в Армении не сказывались на ситуации в Болгарии. С шелком и чаем также получился «конфуз» – оказалось, все это дешевле везти из-за моря, а представления о богатстве местных недр были явно преувеличенные, «второго Урала» не получилось. Идея канала Каспий-Черное море оказалась утопией, европейские и восточные купцы не ринулись по трассе Волга-Нева, оказавшейся слишком длинной, неудобной и опасной. Новая имперская окраина превратилась в «черную дыру», где исчезали десятки тысяч военнослужащих и миллионы рублей. Только на рубеже XIX-XX веков расходы казны на «обустройство» этого края сравнялись с доходами от него, и то только благодаря огромной

ДАЧА АПРАСЯДЕ, из древних костюмов.

прибыли от продажи бакинской нефти в 1890-е годы. При М.С. Воронцове же налоги и прочие поступления выглядели насмешкой над финансовыми чиновниками. Власти желали знать: можно ли исправить положение и какими мерами?

К тому времени, разумеется, просвещенная публика могла получить интересующие их сведения о Кавказе из записок российских и зарубежных путешественников. Однако ни о какой системной подаче материала не было и речи, авторы описывали край «по своему разумению», не утруждая себя «научностью», а наоборот, во многих случаях считая таковую барьером между собой и читателем. К тому времени представления о Кавказе в большей степени складывались под влиянием произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Бестужева-Марлинского и других литераторов. Но время неумолимо требовало информации иного рода, не рифмованной и не «как в романе». «Живя в России и зная о Кавказе по достигающим туда рассказам, более или менее темным, невольно веришь на слово всем рыцарским качествам горца, воспетым Марлинским и др.; но когда познакомишься несколько ближе с характером лезгин (так обычно называли в XIX века всех жителей Дагестана. – В. А.), то вера в печатные рассказы колеблется, и убеждаешься, что гг. сочинители часто жертвовали поэзией правдой», – отметил один из первых авторов «Записок»¹.

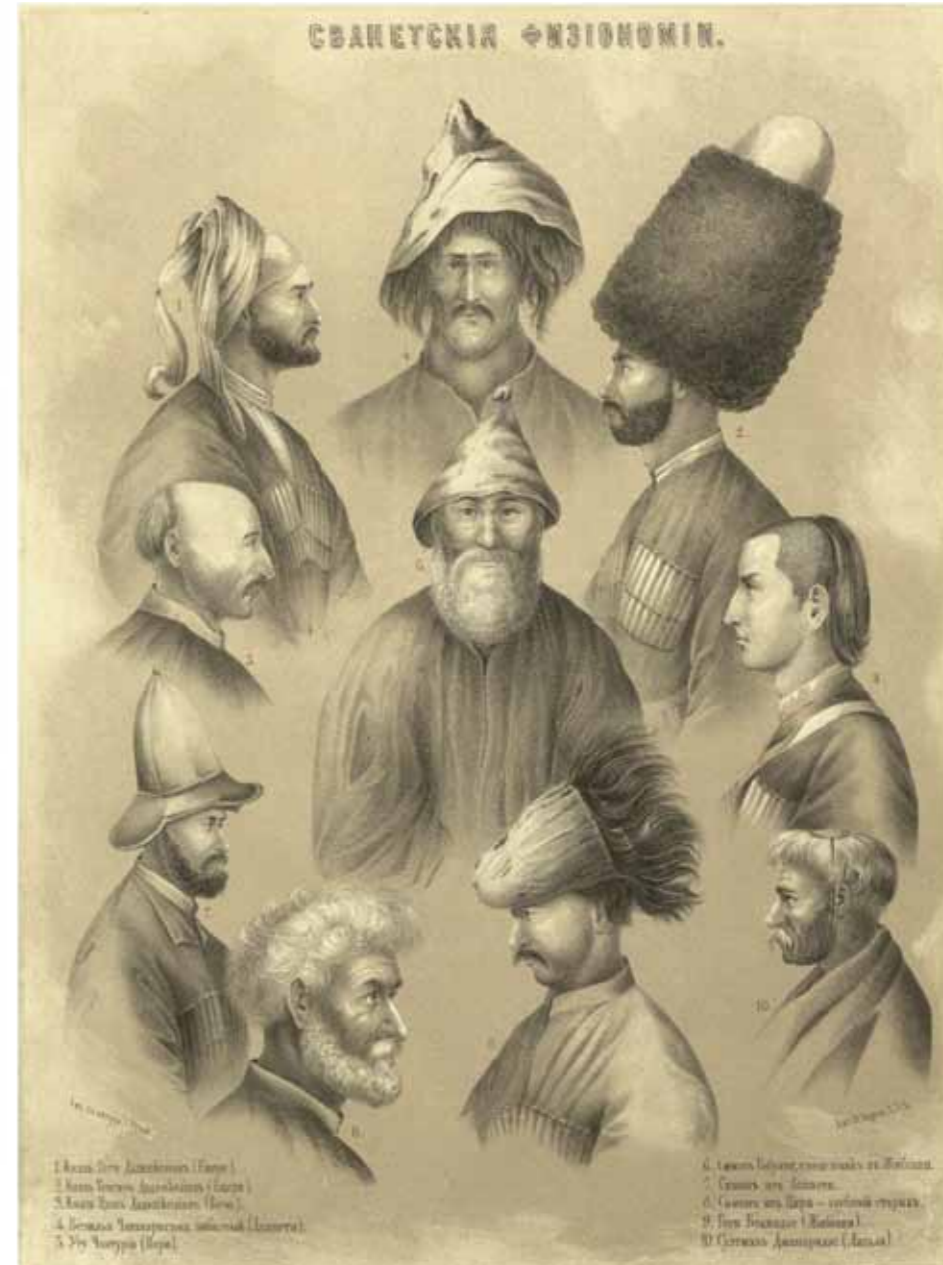
Вид на горы ДАВЛА-ШИР (по рисунку ШИР) в том же виде.

Вид на горы ДАВЛА-ШИР в том же виде.

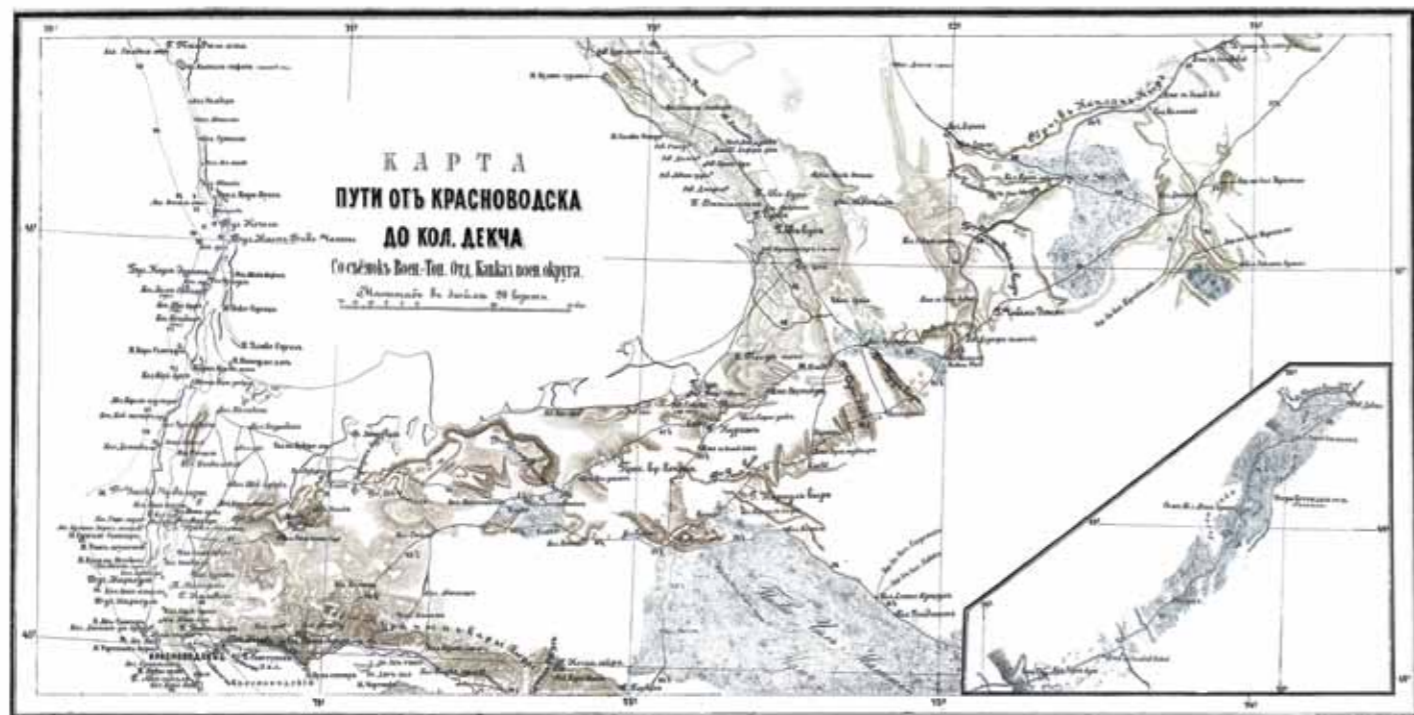
Вид на горы ДАВЛА-ШИР, ДАВЛА-ШИР и ДАВЛА-ШИР в том же виде.

Огромную роль в появлении «Записок Кавказского отделения» сыграла политика М.С. Воронцова. Не преуспев на ратном поприще (его действия против горцев блестящими назвать нельзя), он очень многое сделал для экономического и культурного развития вверенной ему территории. Будучи опытным администратором, этот государственный деятель понимал значение информации для выработки разумных планов, тогда как в предшествующий период ситуация была прямо противоположной. Достаточно сказать, что воинственность горцев после века кровавых столкновений пытались объяснить то их «природной кровожадностью», то упущениями в их воспитании, то малой активностью христианских проповедников. Белыми пятнами была испещрена и географическая карта Кавказа. Только в год выхода первой книги «Записок» командованию стало известно о существовании

прохода из Грузии в Чечню по Аргунскому ущелью. Для характеристики же знаний о природных условиях края, о его истории, этнографии и природе лучше всего подходит выражение «горный туман».

В столичных канцеляриях витал дух унификации. Из имперской столицы на окраины накатывали волны нормативной документации, игнорировавшей местные особенности и потому ставившей местную коронную администрацию в сложное положение. Таким образом, учреждение Кавказского отдела РГО и публикацию его трудов можно рассматривать как средство оптимизации государственного управления. Согласно § 2 высочайше утвержденного 27 июля 1850 года положения об отделе, он должен был сосредоточиться на изучении «современного состояния края в трех главных отношениях: географическом, статистическом и этнографическом»². Были

ЗАНЕСЬ ДЮПРЕ - южный конец горы ЗАНЕСЬ-ЦАМЕ

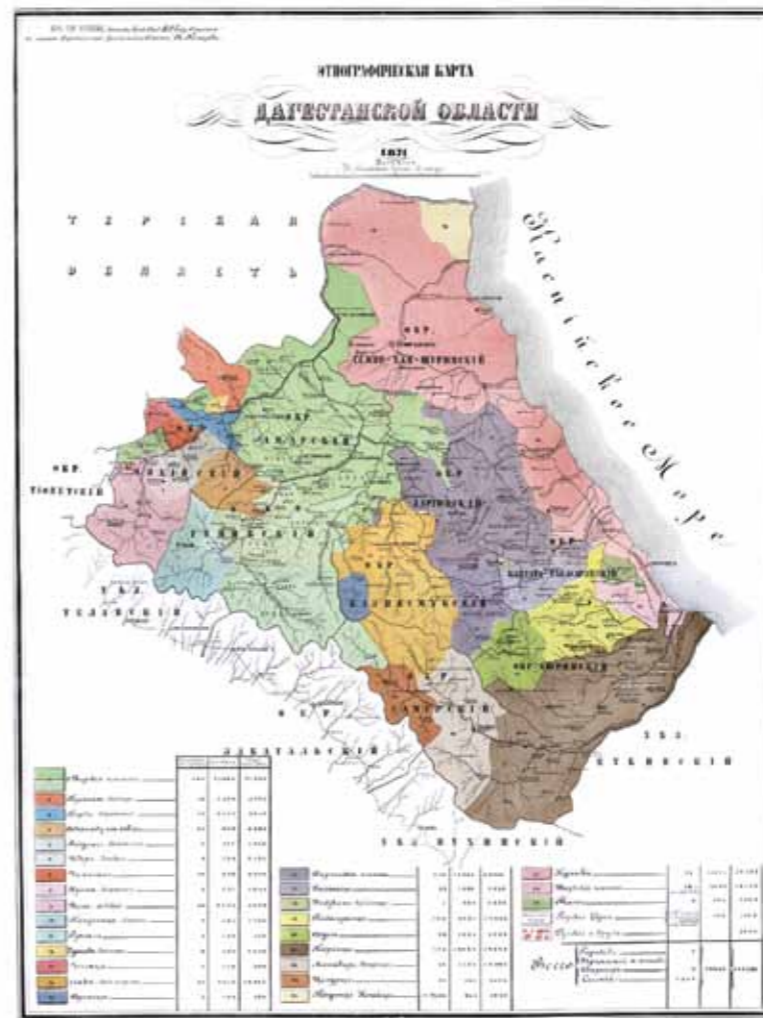
определены и четыре главные задачи: сбор и анализ уже имеющихся материалов; проведение научных исследований; содействие путешественникам как российским, так и иностранным; хранение научных данных (формирование архива и коллекций, создание библиотеки и этнографического музея).

О том, что власти осознавали необходимость изучения края для решения практических задач государственно-управления, писал в «Предисловии» один из инициаторов создания Кавказского отдела РГО граф Г.В. Соллогуб: «Влияние местности на историю везде испытано и достаточно доказано; но нигде, может быть, подобная истина не подтверждается так наглядно, осязаемо и разительно, как на Кавказе. В этой истине заключается тайна его запутанной летописи, причина многих затруднений, встречаемых Правительством при водворении Го-

сударственного устройства, наконец, ключ ко всем беспрерывным противоречиям, которые составляют как бы отличительное свойство всего края. И точно, не странно ли встречать иногда бедность посреди неисчерпаемого, почти баснословного богатства природы, застой умственного развития при блестящих умственных способностях, гнусные злодеяния при самых рыцарских понятиях о чести...»³.

«Верное и подробное определение всех особенностей Кавказа в отношениях географическом и этнографическом может возникнуть только от дружных и совестливых наблюдателей», – отмечал тот же автор⁴. Главное препятствие на пути решения задач, стоявших перед Кавказским отделом РГО, он видел в недостатке людей, способных и готовых проводить исследования и заниматься описаниями. Администрация края испытывала кадровый голод, чиновников из России заманивали разного рода льготами по службе. Фактически каждый образованный человек, участвовавший там в деятельности РГО, жертвовал своим личным временем, будучи чрезвычайно загруженным «по должности». Немалые трудности для географов представляло крайне недоброжелательное отношение к ним местного населения даже в Закавказье и в «замыренных» районах Северного Кавказа. Это объяснялось тем, что в людях с карандашом в руке видели предвестников усиления налогового гнета (перепись населения!) и даже введения рекрутчины, которой там боялись больше чумы⁵.

Можно сказать, что отделу был предоставлен режим наибольшего благоприятствования, поскольку его официальным покровителем был сам наместник на Кавказе М.С. Воронцов, нередко участвовавший в заседаниях. Его помощником был князь Василий Осипович Бебутов –

знаменитый кавказский генерал, управляющий Армянской областью. В 1851 году действительными членами общества были представители местной знати и высшие должностные лица – князь Г.К. Багратион-Мухранский, князь И.М. Андроников, Ю.Ф. Ахвердов, И.А. Бартоломей, князь Г.Г. Гагарин, А.П. Максимович, барон А.П. Николаи, В.Н. Семенов, граф В.А. Соллогуб, А.А. Уманец, барон П.Н. Услар, Н.В. Ханьков, О.И. Ходзько. Такое отношение к отделу сохранилось и впоследствии. Составители «Записок» старались разбудить интерес к географическим штудиям, расширить круг людей, собирающих данные о Кавказе. Поэтому среди авторов статей и заметок мы видим не только людей из академического мира. Этим обстоятельством объясняется то, что наряду с материалами, до сих не утратившими свою научную ценность, в публикациях встречаются и курьезы. Так, полковник Гернет 2-й и подполковник Смирнов в своих наблюдениях за полным солнечным затмением 1851 года указали, что «...стало вдруг темно; свет исчез подобно тому, как гаснет граната»⁶.

Содержание книжек было организовано по схеме, традиционной для ведомственных журналов того времени: первую часть составляли научные публикации (от трех до шестнадцати) в зависимости от размера каждой. Далее читатель знакомился с материалами о деятельно-

сти отдела (конспекты протоколов собраний, списки членов, вопросы финансирования и т. д.). Завершалась книжка разделом «Смесь». Печатались также обзоры книг, посвященных Кавказу, и указатели статей в различных периодических изданиях. Некоторые выпуски целиком отданы крупным публикациям. Так, весь девятый номер занят «Путевым журналом Е.И. Чирикова» – русского комиссара, служившего в 1849–1852 годах посредником по турецко-персидскому разграничению. Создание Кавказского отдела РГО и публикация его трудов – одно из проявлений процесса осознания Россией своего «имперского» состояния – не величия и права на византийское наследие, а сложности конструкции государственного механизма. Это было своеобразное зеркало, позволявшее государству и обществу посмотреть на самих себя в географическом отношении, подобно тому, как литераторы отражали думы и чувства современников, а историки – деяния предков.

Публикацию «Записок Кавказского отдела Русского географического общества» можно сравнить с тем, как вместо случайной «оказии» человек получает возможность воспользоваться «регулярным» транспортом. Это издание стало «по расписанию» доставлять в Россию столь важные данные о крае, который и в XXI веке не совсем понятен, следовательно, – не до конца изучен.

Примечания

- 1 Свечин Д. Очерки народонаселения, нравов и обычаев дагестанцев // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества (далее – ЗКОИГО). – Тифлис, 1853. – Т. 2. – С. 60.
- 2 ПСЗ II. Т. 26. № 24357.
- 3 Соллогуб Г. В. Предисловие // ЗКОРГО. Тифлис, 1852. Т. 1. С. I.
- 4 Там же. С. XXII–XXIII.
- 5 Там же. С. XXIII.
- 6 Свод наблюдений, произведенных в разных местах Кавказского и закавказского края над солнечным затмением, бывшим 16 июля 1851 г. и доставленных в Кавказский отдел императорского русского географического общества // ЗКОРГО. Т. 1. С. 59.

©В. В. Лапин,
доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник Санкт-Петербургского института
истории РАН

Все иллюстрации предоставлены издательством
«Альфарет».